

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ПРАКТИКИ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(470+571):316.34/35

НИЩЕНСТВО И НИЩЕНКИ В РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

3.3. Мухина

Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал) НИТУ «МИСиС», Старый Оскол, м-н Макаренко, 42
mukhiny@mail.ru

Рассматривается мало затронутая в литературе социовозрастная группа нищенок в русской крестьянской среде Европейской России. Нищенки относились к маргинальным слоям крестьянского социума, силой жизненных обстоятельств выброшенным на обочину жизни. Широко используются материалы недавно введенного в научный оборот многотомного издания «Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы "Этнографического бюро" князя В. Н. Тенишева», являющегося наиболее полным и систематическим источником, отражающим жизнь русских крестьян на рубеже веков. Учтена и разбросанная, отрывочная и погребенная в недрах этнографической литературы (главным образом до 1917 г.) информация о разных аспектах жизни данной категории русских женщин-крестьянок. Выявлены причины существования нищентства в русском крестьянском социуме, отношение к данному явлению крестьян и общины в целом. Показаны категории нищенок с разными социопсихологическими установками, выполнение ими социальных и религиозно-ритуальных функций. Обращается внимание на многообразные формы их социально-девиантного поведения. Рассмотрение социовозрастной группы крестьянок-нищенок проводится с позиции возрастного символизма, предполагающего нормативные критерии возраста, социовозрастные стереотипы и субкультуру. Отмечены локальные особенности существования данного явления.

Ключевые слова: женская история, гендерная история, социовозрастная группа, русская крестьянка, нищентство, нищенка, Европейская Россия.

Исследования гендерной проблематики, женской истории в контексте повседневности выходят сегодня на передний край социально-гуманитарного знания [Пушкарёва, 2004, с. 10,11]. Без модели дифференциации социополовых ролей, без стереотипов мужского и женского поведения невозможно установление структурных и функциональных характеристик брака и семьи, институтов социализации [Кон, 1982, с. 113]. Женская тематика не только имеет непосредственное отношение к семейно-бытовой культуре, она прямо связана с вопросами преемственности поколений, с формированием определенного типа личности и динамикой его изменений в пореформенный период. Разделение по социовозрастному принципу пронизывало любую социальную общность и обуславливало соответствующие различительные признаки в культуре, поведении и функциях [Бернштам, 1988, с. 5–6]. Наряду с семьей и общиной внутриобщинным малым социовозрастным группам отводилась огромная роль в преемственности, накоплении опыта, его межпоколенной трансляции, конструировании на основе традиций конкретных стереотипов поведения. Социовозрастные группы представляли первичные единицы общества [Громыко, 1984, с. 70]. При стремительных социально-экономических изменениях жизни крестьянства в пореформенный период социовозрастная структура крестьянского социума продолжала оставаться стабильной еще в первые десятилетия XX в. Многообразные взаимодействия таких разноплановых общностей, как семья и община, с одной стороны, и социовозрастные группы – с другой, приводили к значительной вариативности форм отношений в общественной реальности. Социовозрастное деление играет роль структурообразующего принципа в организации социальных отношений.

Что касается степени изученности данного вопроса, то имеются две большие дореволюционные работы: «Нищие на святой Руси» Н. Прыжова и «Бродячая Русь Христа-ради» Е. Максимова, посвященные нищенству как явлению [Прыжов, 1862; Максимов, 1877]. Однако не удалось найти ни одного обобщающего исследования о нищенке-крестьянке. Информация об этой категории женщин погребена в недрах этнографической литературы. Предлагаемая статья призвана в некоторой степени восполнить указанный пробел. Кроме того, социовозрастная группа крестьянок-нищенок рассматривается с позиции возрастного символизма [Кон, 1981, с. 99–100], предполагающей нормативные критерии возраста, социовозрастные стереотипы и субкультуру.

Нищенство являлось неотъемлемой компонентой крестьянской жизни. Крестьяне с детства привыкли чуть ли не каждый день видеть нищих. Образ попрошайки нашел отражение даже в колыбельных песнях [Успенский, 1895, с. 91]. Нищенство в России порой не имело границ и меры. Везде, где собирался народ, – торг, базар, ярмарка, – нищие и нищенки появлялись со своим неизменным и несокрушимым правом, таким же древним, какой была сама Русь [Максимов, 1877, с. 400]. Имелось несколько категорий нищих с различными социопсихологическими установками.

В неурожайные годы или вследствие пожара, градобития, падежа рабочего скота, потери мужской рабочей силы из-за физического недостатка или увечья и других бедствий семья была вынуждена побираться. Пьянство, постепенно отучая человека от работы, нередко вело к нищенству. Когда не доставало своего хлеба и негде было его добыть, обычно отправляли побираться детей и стариков, это называлось «ходить в кусочки» [Энгельгардт, 2010, с. 21; Семенова-Тян-Шанская, 2010, с. 150], «А давай Бог, если своего нового хлеба хватит от Покрова до зимнего Николы», т. е. с 1 октября до 6 декабря [Максимов, 1877, с. 105]. «В здешний край много приходит женщин с незаконнорожденными детьми из других губерний на заработки: детей девка пустит "в куски", а сама ходит в поденщину – на перегрузку дров, полоть гряды у огородников, на сенокос и другие выгодные работы» (Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губ.) [РКЖБН, 6, с. 378]. Очень часто мать сама приобщала своих детей к попрошайничеству [Максимов, 1877, с. 133–134]. Самое лучшее отношение было к погорельцам, их наделяли более щедро, чем обыкновенных нищих. В помещичьих усадьбах и у крестьян-торговцев они получали не только зерно, но и что-нибудь из одежды и даже деньги. Некоторые после таких сборов устраивались лучше, чем жили до пожара (Новгородская губ.) [РКЖБН, 7.4, с. 283].

А. Энгельгардт отличает «хождения в кусочки» от других видов нищенства. Побиравшиеся «кусочками» обычно были местными жителями. Если предлагали им работу, они тотчас брались за нее и не ходили «по кусочкам». Ходить по миру считалось «последним делом», и к нему прибегали лишь в случае крайней нужды. Поэтому побиравшиеся часто ходили без сумы, так как это было стыдно. Он «приходит так, как будто без дела случайно зашел, как будто погреться, и хозяйка, щадя его стыдливость, подает ему незаметно, как будто невзначай, или, если в обеденное время пришел, приглашает сесть за стол; в этом отношении мужик удивительно деликатен, потому что знает – может и самому придется идти в кусочки. От сумы да от тюрьмы не отказывайся» [Энгельгардт, 2010, с. 21]. Такое нищенство было временным, и с исчезновением неблагоприятных обстоятельств оно прекращалось [РКЖБН, 2.1, с. 510; РКЖБН, 5.3, с. 640]. Крестьяне были далеко не филантропы, они во всем преследовали выгоду. В то же время они не отказывали в ночлеге нищему и прохожему, кормили их, давали подводу для больного, помогали погорельцам. Помощь нищим входила в число культурных стереотипов. На подачу милостыни народ смотрел как на богоугодное дело. И потом все понимали, что они сами могли испытать нужду – «все под Богом ходим» [Семенов, 1902, с. 65; Титов 1888, с. 108]. Присущее народу сострадание к бедным и неимущим, не имеющим возможности найти пропитание, побуждало крестьян делиться с ними и последним куском хлеба [РКЖБН, 4, с. 169; 7.4, с. 283]. Главной в этой ситуации являлась психологическая настроенность людей, попавших в беду. Они продолжали ощущать свою принадлежность к крестьянскому сословию и прилагали все усилия для скорейшего возвращения в состояние, которое для них являлось нормальным, – к крестьянской жизни и крестьянскому труду.

Другой категорией нищенок были женщины, оставшиеся без средств к существованию, – вдовы, сироты, брошенные мужем. При впадении в нищету в семье быстро охладевали родственные отношения. Вдова в крестьянской среде часто первой переходила в разряд нищих. Она ходила по дворам, чтобы сначала горе выплакать и получить утешение, а затем, по привычке, чтобы жалобиться и побираться. Соседки ей сочувствовали: «Сегодня пироги я пекла – заходи-ко отведать»,

«Вели Бог подать, не вели Бог просить» [Максимов, 1877, с. 114; Титов, 1888, с. 22; Новиков, 1899, с. 192]. Крестьянка В. И-ва из д. Шульгино зарабатывала на жизнь летом поденной работой, сбором грибов и ягод, а зимой собирала милостыню. Своего единственного внебрачного сына обучала в школе. Вдова А. И-а из д. Смильково осталась с семьей детьми на руках, самой старшей девочке было не более 12 лет. Дети зимой иногда ходили побираться. Крестьянка Н. А-а из той же деревни не имела ни дома, ни родственников. Жила тем, что летом пасла скот, зимой побиралась по окрестным деревням. Старуху Моржухину 60 лет из д. Благодать единственный сын выгнал из дома, ее приютили соседи. Жила исключительно на подаяние, которое собирала в окрестных деревнях (Посехонский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН, 2.1, с. 509].

Такие случаи были распространены в России. Для сбора подаяний, следовательно, для показа себя людям, надевали все, что было лучшего и нарядного, но убогость и рвань бросались в глаза. Эти люди обычно стыдились своей бедности и неохотно рассказывали о себе. Некоторых удавалось разговорить. У одной вдовы покойный муж любил выпить, особенно в период перед смертью. Сиротское детство, потом всю жизнь малый достаток. В лесу, когда рубил дерево, оно упало на него и раздавило грудь. Жена, оставшаяся вдовой, целые сутки причитала на всю деревню, с ней «переплакали все женщины» [Максимов, 1877, с. 113–114].

Расшатывание патриархальных устоев в пореформенный период вело к деформации сложившегося уклада жизни, что нередко имело целый ряд негативных последствий. Среди них деформации веками складывавшихся социальных гарантий для членов общины, оставшихся без средств к существованию. Неоднократно описаны случаи, когда сыновья выгоняли из дома составившихся родителей и заставляли их побираться. «Вдове из наследства ничего не выделяется; но она может остаться жить в доме; случается, однако, что дети ее прогоняют; тогда ей по миру ходить» [Труды..., 1, с. 59]. В с. Хабарово мать одного из крестьян, обессилев от дряхлости, перестала работать. Сын ее укорял, что она даром чужой хлеб ест, и велел собирать милостыню. Стыдясь просить милостыню поблизости, она отправилась в торговое село верст за шесть. Был сильный мороз, обессиленная старуха присела отдохнуть и замерзла (Даниловский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН, 2.2, с. 102]. «Деревенское подоконное “Христа-ради”, по домашнему положению и взаимному договору, бесхитростная, прямодушная и грубо откровенная голь из самого ближнего соседства, “двор о двор” одной деревни и много “с поля на поле” соседней. Голь, впрочем, настоящая: видом и голосом, с длинной черемуховой палкой в руках и перекинутым, через плечо к левому боку на бедро, холщовым мешком» [Максимов, 1877, с. 110]. Если даже у таких людей имелось небольшое хозяйство, нищенство было для них хорошим подспорьем [РКЖБН, 7.4, с. 283]. Описанная разновидность нищенства являлась неотъемлемой чертой русской деревни.

Имелась еще одна категория нищих, в том числе женщин, которые сделали нищенство профессией. Одни становились нищими, придя в силу обстоятельств в состояние крайней бедности, и при недостатке сил или энергии стояли под чужими окнами и вымаливали себе подаяние. Другие, их народ называл *нищевроды*, притворялись нуждающимися и убогими. Не было в России не только города, но и какой-нибудь деревушки, где ежедневно не было бы слышно в разных концах селения этих невеселых слов «Христа-ради» [Максимов, 1877, с. 109]. Этому ремеслу приучали с самого детства. Особенно распространено было профессиональное нищенство в пореформенный период.

Профессиональное нищенство было следствием нежелания части крестьян заниматься тяжелым земледельческим трудом и сочувственного отношения к нищим со стороны крестьянского общества. Корреспондент этнографического бюро А. А. Лебедев отмечал, что неспособность к труду, болезнь, старость, экономическое расстройство в явлении нищенства не всегда занимали главное место. К ниществу вело и стремление жить без тяжелого труда, лень, привычка побираться с раннего детства (Калужский уезд Калужской губ.) [РКЖБН, 3, с. 332]. Такого же мнения придерживались и другие информаторы (см., например, [РКЖБН, 5.3, с. 637]). Издавна имелся навык побираться в соответствующих промысловых губерниях, и хорошо были известны самые отдаленные места, где давали деньги и хорошо кормили [Максимов, 1877, с. 101].

Данная категория нищих являлась институционализированной, возникали целые корпорации и артели нищих, главными орудиями ремесла которых были соответственно поставленный голос и смиренный вид. Для этих корпораций и артелей была характерна особая структурная и функциональная дифференциация. Во главе стоял какой-нибудь слепец-подрядчик, который делил своих

подопечных по категориям: с громким голосом и хорошей памятью, со слабым голосом при малом знании стихов, старики, старухи, убогие, калеки и т.д. Члены артели пели былины и божественные песни, часто крайне бессодержательные, просто набор слов без всякой связи, или читали искаженные молитвы. После окончания «рабочего» дня «слепые» превращались в зрячих, «хромые» и «безногие» отплясывали в кабаках. Эти артели были полны дразг и свар, ожесточенных кровопролитий, разного рода темных дел. Они похищали детей, калечили их, пополняя свои ряды. Такие деревенские артели постоянно переходили с места на место, с базара на ярмарку [Максимов, 1869, с. 400–401; Титов, 1888, с. 108].

Артели могли составлять семейные пары или пары вне брака, как, например, старик и старуха, нанимавшие детей-нищих для сбора подаяния. Такая артель насчитывала 5–6 человек. Дети на салазках объезжали за день несколько деревень и собранное привозили своим хозяевам. Старик и старуха и сами ходили за подаянием, но в начале пускали детей. Сбор в зимнее время заканчивался с наступлением сумерек, летом – при завершении полевых работ. Ночевала артель чаще всего где-нибудь в церковной сторожке (Вологодский уезд Вологодской губ.) [РКЖБН, 5.1, с. 270]. «Работа крестьянская кажется им тяжелой, – говорят крестьяне, – и вот они изыскивают способы, как бы полегче добыть им копейку» (Ростовский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН, 2.2, с. 386]. О нищих и нищенках говорили, что они днем просят, ночью воруют [Терещенко 1848, с. 403]. Специфичность нищенства как деятельности существенным образом влияла на весь социально-психологический склад личности. Постоянное моление, выпрашивание, поклонение превращались в привычку, меняя весь духовный склад человека. После уборки урожая и ухода мужчин на отхожие промыслы для «нищепродов» наступала своего рода страда [Прыжов, 1862, с. 122; Максимов, 1877, с. 148].

Трудно утверждать, что больше толкало на нищенство – тяжелые жизненные обстоятельства или найденная возможность жить, не слишком обременяя себя, но профессиональное нищенство было повсеместным явлением. Например, в Кубенской волости были две профессиональные нищенки, у обеих имелась земля, обе пили вино. Одну, из д. Копылово, старую деву, звали Катерина Копыловская. Кроме сбора милостыни она занималась знахарством: набирала камешки, выдавая их за камешки из Афона, опускала их в воду, нашептывала и рекомендовала эту воду больным детям. Катерина не теряла надежды выйти когда-нибудь замуж за крестьянина-торговца и старосту усадьбы. Другая крестьянка, Палаша Богомоловская, из д. Богомоловка, в возрасте около 40 лет, обычно побиралась в таких местах, где было больше ребят. Зимой ходила на посиделки и забавляла всех непристойными рассказами (Вологодский уезд Вологодской губ.) [РКЖБН, 5.1, с. 269].

Нередко профессиональные нищие были людьми физически здоровыми и нестарыми (40–50 лет), у многих имелось небольшое хозяйство, была и корова, и лошадь, жили в собственных домах. Они запирали дом, корову на время отдавали куму, а сами со всей семьей отправлялись побираться в урожайные губернии. Один крестьянин бросил хозяйство и жену и ушел к другой женщине в соседнее село, у которой имелось свое небольшое хозяйство. Оба они занимались нищенством. В некоторых случаях даже улучшение материального положения не могло удержать от этого промысла. Одна крестьянка в отсутствие мужа до того привыкла к нищенству, что и по его возвращении продолжала это занятие. Даже запрет мужа не мог на нее воздействовать, она тайком уходила побираться. «Скучно и тоскливо как-то, когда не сходишь за милостынькой», – говорила она [РКЖБН, 2.2, с. 386; Титов, 1888, с. 108; Новиков, 1899, с. 194].

Попрошайничать ездили даже богатые крестьяне на лошадях (Сольвычегодский уезд Вологодской губ.) [РКЖБН, 5.3, с. 637]. В д. Сосене жили нищие, которые прикидывались калеками, подгибая ноги и руки. Нищенствующие вдовы приучали детей побираться с самых ранних лет. Два «слепых» брата, Андрей и Агап, прекрасно видели, но закрывали глаза длинными волосами. День считался плохим, если профессиональный нищий зарабатывал 30–40 коп., хороший заработок составлял 1–2 руб. в день (Мещовский уезд Калужской губ.) [РКЖБН, 3, с. 561–562]. Больше всего подавали хлебом, реже – яйцами или сметаной, еще реже – деньгами [РКЖБН, 3, с. 562; РКЖБН, 2.1, с. 511]. Обычными формулами при сборе милостыни были: «Милостинку Христа ради поминаючи родителей ваших о царствии небесном», «Слепому убогому сотворите святую милостинку ради Христа», и все это повторялось на множество ладов (Пошехонский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН, 2.1, с. 511]; «Спасибо, батюшка, дай тебе Бог доброго здоровья, а родителям твоим царствия небесного!» (Ростовский уезд Ярославской губ.) [Титов, 1888, с. 108].

Интересен эмоциональный тонус в отношении крестьянства к нищим. Всем нищим, к какому

бы разряду они не относились, крестьяне обычно подавали одинаково, они считали это необходимым для спасения души. Являлся ли просящий подаяние действительно нуждающимся или был тунеядцем, крестьяне полагали, что это не их дело. «"На нем грех будет, если он обманывает народ православный", – говорят крестьяне, подав милостыню нищему, по всем признакам тунеядцу-дармоеду» (Пошехонский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН 2.1, с. 511]. Все же стоит отметить, что отношение к нищим не везде было одинаковым. По свидетельству Н.А. Иваницкого, в Вологодской губернии имелись женщины, которые нищенствовали из страсти к бродяжничеству. Их уже знали в народе, и на возглас «Милостыньку ради Христа» нищенки иногда слышали в ответ: «Бог подаст, рожа толста!». Встречались нищенки лакомки. Им подадут хлеба, а они просят пирожка. «Не защи-паны рожка!» – отвечает хозяйка, или так: «Не по болезням прихоти», «Не жирно ли будет, глаза заплывут», «Бог подаст, меньше крошишь», «Сзади: Христа ради, а спереди: на погорелое место!». Это говорят именно о притворных нищих, которые, прося милостыню под окнами, уверяют, например, что они пошли по миру потому, что у них хлеб выбило градом, а у крыльца – что их деревня сгорела» [Иваницкий, 1890, с. 60]. Подобные случаи описаны и корреспондентами этнографического бюро из Санкт-Петербургской губернии [РКЖБН, 6, с. 379].

Специфическая «трудовая» деятельность нищих и нищенок обретала законченность, когда собранный в виде подаяния хлеб продавался самим крестьянам, обычно по 1 коп. за фунт. Именно сбор хлеба считался наиболее выгодным.

Профессиональное нищенство приобретало в пореформенный период массовый характер и становилось промыслом для целых местностей. В с. Семьяны нищенство в виде заданного промысла существовало издавна и им занималось поголовно все население. После окончания полевых работ все крестьяне вместе с семьями отправлялись на повозках в окрестные уезды или в соседние Казанскую и Симбирскую губернии, когда там был хороший урожай. Информация о положении дел в соседних губерниях собиралась заранее. Выдавали себя за погорельцев или пострадавших от неурожая, градобития и т.д. У них нередко имелись фальшивые удостоверения о бедности, о том, что просящий является погорельцем или претерпевшим от другого бедствия. Эти удостоверения выдавались должностными лицами крестьянского самоуправления с приложением казенной копченной печати, что превращало простую бумагу в официальный документ. Так оформлялись не только удостоверения о бедности, но и аттестаты на крестьянских кляч с выдуманными годами, свидетельства о пожарах, бывших в действительности несколько лет назад. Для таких документов имелась такса (от шкалика водки до 1–3 р.), и при их выдаче староста почти ничем не рисковал, а это составляло серьезную статью дохода. В худшем случае старосту могли оштрафовать, а в наихудшем уволить. Нищие же, таким образом, не только могли прокормиться в течение всей зимы, но и, продавая собранный хлеб, привозили к Пасхе до 50 руб. Нищенскому промыслу семьянские крестьяне были обязаны своей зажиточностью и благосостоянием (Васильсурский уезд Нижегородской губ., Тамбовская губ.) [РКЖБН, 4, с. 170; Новиков, 1899, с. 31, 193]. В приведенном описании мы сталкиваемся с любопытным феноменом улучшения своего материального положения за счет эксплуатации присущего народу сострадания к бедным и убогим вместе с почти безграничным доверием ко всякому официозу (в данном случае к поддельным удостоверениям с казенной печатью). Укажем для сравнения, что годовой доход зажиточной крестьянской семьи составлял около 160–200 руб., причем часть этих денег присылал отходник, а все имущество семьи стоило 400–800 руб. [РКЖБН, 1, с. 344, 461; РКЖБН, 2.1, с. 388].

Присущая народу изобретательность в приспособлении к внешним обстоятельствам проявляется совершенно неожиданно. Существовали особые формы нищенства, как, например, в Вельском уезде Вологодской губернии: собирание милостыни на свадьбу. Для этого промысла в указанную местность целыми партиями на лошадях отправлялись крестьяне вместе с дочерьми-невестами или сыновьями-женихами из Шенкурского уезда соседней Архангельской губернии. Преимущественно это происходило в Филипповский и Великий пост. Разными хитростями успешно выпрашивали подаяние: «Сенца на прокормление лошади, а нам хлеба» [Тихомиров, 1895, с. 122]. Собранный хлеб тут же сушили на сухари, а затем и сухари, и сено продавали. Вырученные деньги, иногда немалые, шли на приданое и на расходы на свадьбу. Таким образом, предприимчивые крестьяне, справляя свадьбу, сохраняли свой хлеб и избегали разоряющих расходов на нее [Там же]. Расходы на свадьбу и на приданое были узаконены традиционным укладом жизни. Отказ от них означал вызов сложившемуся миропорядку, но проблема разрешалась, как видим, нетрадиционным

способом. Другой пример: в с. Ковердяки (Козловский уезд Тамбовской губ.) девочек учили нищенству, и они просили милостыню, собирая себе на приданое. Не умевших притворяться и хорошо собирать подавание неохотно брали замуж. Видимо, полагали, что из такой невесты не получится хорошей хозяйки [Новиков, 1899, с. 193].

Органичная включенность нищенства в жизнь русской деревни проявлялась в выполнении им не только ряда социальных, но и ритуальных функций. По традиции нищие и нищенки были незаменимы при некоторых обрядах. Спектр их «услуг» отличался разнообразием. Считалось, что они лучше всего помянут родителей на Радунице (во вторник на Фоминой неделе) и на Дмитриеву субботу (осенью) и молитва лучше дойдет до покойных родителей и самого Бога, если будет препоручена заступникам и угодникам божьим, божьим людям, которых видели в нищих и странниках обоего пола. Им заказывали молебны для облегчения родов, сохранения скотины, избавления семьи от разных бед. Для лучшего урожая суеверные женщины пекли на весеннего Богослова (8 мая в память евангелиста Иоанна Богослова) пироги и угощали ими нищих и странников, с тем чтобы они совершили молитву. Другой обряд приходился на лето, когда в качестве угощения для нищих и нищенок варили кашу в день Акулины (13 июня), который назывался «гречишником» (на это время приходился сев гречихи), и «Задери хвосты» (на скот в поле начинала нападать мошка). Зимой нищих приглашали на Никольщину, когда варили пиво и гостили друг у друга [Максимов, 1877, с. 121; РКЖБН, 7.4, с. 284; Максимов, 1869, с. 398]. В ряде местностей нищенство связывалось со способностью врачевания. К помощи нищенок прибегали для лечения слабых младенцев. Вместо милостыни из окна подавали младенца в белой пеленке, которого нищенка затем несла к воротам дома. Туда выходила мать младенца, брала его на руки и давала милостыню, при этом нищенка приговаривала: «Дай Господи святому младенцу (имя) доброго здравия» (Нижегородская губ.) [Кудрявцев, 1877, с. 88]. Со странников брали обещание на обратном пути не обходить их избы окольной дорогой, не принеся из святых мест освященных предметов [Максимов, 1869, с. 398–399].

Среди нищих, нищенок, странников и странниц в большом ходу были разного рода обман и мошенничество. Появлялось много странников и странниц, которые уверяли, что путешествовали по святым местам – в Иерусалим, в Святую Землю, в Соловки, в Троице-Сергиеву Лавру и другие известные монастыри. Они не только успешно выпрашивали подавание, но и рассказывали о чудесах, святых угодниках и т.д. Раздавая грошовые крестики, образки, несколько капель деревянного масла, будто бы из святых мест, нищие выманивали последние деньги, иногда несколько десятков рублей, не отказывались от холстов, тканей и т.п. Часто жертвами становились легковерные старые женщины (Васильсурский уезд Нижегородской губ., Тихвинский уезд Новгородской губ.) [РКЖБН, 4, с. 172; РКЖБН, 7.4, с. 284]. Странники и странницы собирались в артели, обычно из корыстных соображений. Им давали бесплатный приют, пропитание, деньги и припасы на дальний путь. Нищие, выдавая себя за странников, приходили в дома, когда там были одни женщины, и выманивали деньги на «помин души», на «Сергия Преподобного», на «неугасимую лампаду», иногда полностью обирая сердобольных женщин. Сколько раз полиция ловила целые шайки бродяг с перламутровыми образами и крестами, поддельными частицами мошей и обломков от Христова креста, бродяг, переодетых в монашеское платье, якобы идущих из Иерусалима или с Афонской горы. Один из бродяг (Мещовский уезд Калужской губ.), называвший себя Василием Ланцовым, был грозой женщин. Он обещал их «обокрасть дочиста», если мало подадут или пожалеют отрезать кусок холста [РКЖБН, 3, с. 562; Максимов 1869, с. 399].

Нищенки вносили также свой вклад в женскую деревенскую субкультуру. Они нередко являлись питательной средой, источником и распространителем разного рода новостей. Сплетни играли роль ходячих газет. Самые толковые из женщин-нищенок знали даже биржевые курсы и цены на ближайшем базаре. Отношение мужчин к новостям, разносимых нищенками, как правило, было негативным: «И какие у вас, у чертей – у нищенок, языки длинные! – в удивлении и досадой скажет мужик. – С моей бабой вас на одну осину вешать. – Кто бабьим сварам заводчик? – оне (подскажет другой недовольный)! – Скажи на милость: сидят бабы по избам шолковыя, как овцы смирныя, пиши ты их на икону: совсем святыя. А побывай одна такая-то, – словно она в бабе-то зелья какого насыпают; откуда у них разговор возьмется: и повеселеют, и загудят, что рой пчелиный, и на месте не посидят – всю избу выстудят! – У меня все переругались, большуха которую-то сноху приколотила даже. А все нищенка чего-то нашептала» [Максимов, 1877, с. 119].

Профессиональные нищие вели безбедную жизнь, играли в карты, предавались пьянству и

разврату. Приведем несколько примеров. Жена крестьянина Петра Боляка из д. Лопина, Александра, всегда любила разгульную жизнь, и ей наскучило жить в семье. Она уговорила мужа выдать ей паспорт, стала ходить по богомолям, меняла любовников, сбывая внебрачных детей в воспитательные дома. Александра сумела втереться в доверие к Иоанну Кронштадтскому и от его имени собирала деньги и вещи для раздачи бедным. Каждые один-два месяца она привозила массу вещей, в основном одежды и обуви, которые с большой для себя выгодой продавала. Александра построила у себя в деревне избу, где жила ее распутная дочь, а сама ушла в другую сторону, где ее меньше знали, и там еще построила отличный дом-келью (Новоладожский уезд Санкт-Петербургской губ.) [РКЖБН, 6, с. 378–379] [Новиков 1899, с. 193]. В одной из деревень Щелкановской волости от слепого сбежала жена к другому слепому и стала побираться вместе с ним. Не раз видели их обоих около дороги в таких возмутительных положениях, что однажды довольно добрый крестьянин не удержался и отстегал их кнутом (Мещовский уезд Калужской губ.) [РКЖБН, 3, с. 562]. «Крестьянская девица В., лет сорока, вполне могущая работать, живет в незаконной связи с плотником, от которого и имеет детей. Желая пополнить заработок своего сожителя, она отправляется с детьми собирать на пропитание детей, выдавая себя за вдову, недавно лишившуюся мужа». Корреспондент этнографического бюро указывает, что внебрачные дети в среде нищих – вещь обычная (Пошехонский уезд Ярославской губ.) [РКЖБН, 2.1, с. 511].

В заключение следует подчеркнуть, что стремительные социально-экономические изменения в жизни русского крестьянства в пореформенный период способствовали росту численности нищенок-крестьянок как одной из маргинальных социовозрастных групп крестьянского социума, силой жизненных обстоятельств выброшенных на обочину жизни. Такое положение предопределялось отсутствием социальных гарантий в случае старости, болезни, утраты трудоспособности и других бедствий. В некоторой степени оно улучшалось благодаря бытующим в массовом сознании представлениям о необходимости оказания помощи «сырым и убогим», а также религиозным установкам. Эти представления и установки эксплуатировались отдельными категориями нищенок, которые превратили свою деятельность в профессию, в промысел, паразитировала на теле крестьянства. Такие группы создавали и корпоративные объединения. Но профессиональные нищенки входили в традиционное общество максимально согласованным образом, устанавливая такие связи и отношения, которые не нарушали, а сохраняли и укрепляли сложившийся уклад жизни.

Библиографический список

- Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиции // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70–80.
- Кон И.С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. 1981. № 6. С. 98–106.
- Кудрявцев В.Ф. Обзор этнографических данных, помещенных в «Нижегородском сборнике» // Известия ИОЛЕАЭ. Т. 28: Труды этнографического отдела. 1877. Кн. 4. С. 77–96.
- Максимов С.В. Бродячая Русь Христа-ради. СПб., 1877. 465 с.
- Максимов С.В. Народные преступления и несчастья // Отечественные записки. 1869. № 2. С. 365–403.
- Новиков А. Записки земского начальника. СПб., 1899. 240 с.
- Прыжов Н. Нищие на святой Руси. М., 1862. 139 с.
- Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 3–19.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 1): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004. 568 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 2.1): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 2, ч. 1: Ярославская губерния, Пошехонский уезд. СПб., 2006. 608 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 2.2): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т.2, ч. 2: Ярославская губерния, Даниловский, Любимский, Борисоглебский уезды. СПб., 2006. 552 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 3): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния СПб., 2005. 648 с.
- Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 4): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская губерния СПб., 2006. 412 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 5.1): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 1: Вологодская губерния, Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007. 624 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 5.3): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 5, ч. 3: Вологодская губерния, Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007. 684 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 6): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 6: Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. СПб., 2008. 600 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы (РКЖБН, 7.4): материалы «Этнографическое бюро» кн. В.Н. Тенишева. Т. 7, ч. 4: Новгородская губерния, Тихвинский уезд. СПб., 2011. 512 с.

Семенов С. Т. Из истории одной деревни // Русская мысль. 1902. Кн. I. С. 20–37.

Семенова-Тянь-Шанская О.П. Жизнь «Ивана»: Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. М., 2010. 192 с.

Титов А.А. Юридические обычаи села Никола-Перевоз Сулотской волости, Ростовского уезда. Ярославль, 1888. 113 с.

Тихомиров Н.А. Особая форма нищенства // Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 122.

Терещенко А.В. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. I. 507 с.

Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 1: Тамбовская губерния и Раненбургский уезд Рязанской губерния. СПб., 1873. XV + 851 с.

Успенский Д.И. Родины и крестины, уход за родильницей и новорожденным // Этнографическое обозрение. 1895. № 4 (кн. 27). С. 71–95.

Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М., 2010. 560 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.10.2013

BEGGARY AND BEGGAR WOMEN IN RUSSIAN PEASANT COMMUNITY OF EUROPEAN RUSSIA (SECOND HALF OF XIX - EARLY XX CENTURY)

Z. Z. Mukhina

Stary Oskol Technological Institute, branch of the National University of Science and Technology "Moscow State Institute of Steel and Alloy Materials", Makarenko district, 42, Stary Oskol, 309530, Russia
mukhiny@mail.ru

The essay examines the life of beggar women in European Russian peasant community which is under-investigated. Beggars belonged to the marginalized part of peasantry society because life circumstances dumped them to the social border. Material of multivolume "Russian peasants: Living. Everyday Life. Mores: Materials of "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenishev", which is the most comprehensive and systematic source on the life of Russian peasants at the turn of XIX and XX centuries, is widely used in the article. The author also uses information about different aspects of Russian peasant beggar women's life which can be found in ethnographic literature (mostly before 1917). The causes of beggary's existence in Russian peasantry society, the attitude of peasants and the community as a whole to the phenomenon of beggary are examined; the categories of beggar women with different socio-psychological attitudes and their social, religious and ritual functions are presented. The author uses the methodology of age symbolism, including the normative criteria of age, social-aged stereotypes and subculture. Local peculiarities of the existence of beggary are marked.

Key words: Women's History, Gender History, social-aged group, Russian peasant woman, beggary, beggar woman, European Russia.

References

Gromyko M.M. Mesto sel'skoy (territorial'noy, sosedskoy) obshchiny v sotsial'nom mekhanizme formirovaniya, khraneniya i izmeneniya traditsii // Sovetskaya etnografiya. 1984. № 5. S. 70–80.

Kon I.S. K probleme vozrastnogo simvolizma // Sovetskaya etnografiya. 1981. № 6. S. 98–106.

Kudryavtsev V.F. Obzor etnograficheskikh dannykh, pomeshchennykh v «Nizhegorodskom sbornike» // Izvestiya IOLEAE. T. 28: Trudy etnograficheskogo otdela. 1877. Kn. 4. S. 77–96.

Maksimov S.V. Brodyachaya Rus' Khrista-radi. SPb., 1877. 465 s.

Maksimov S.V. Narodnye prestupleniya i neschast'ya // Otechestvennye zapiski. 1869. № 2. S. 365–403.

- Novikov A. Zapiski zemskogo nachal'nika. SPb., 1899. 240 s.
- Pryzhov N. Nishchie na svyatoy Rusi. M., 1862. 139 s.
- Pushkareva N.L. Predmet i metody izucheniya «istorii povsednevnosti» // Etnograficheskoe obozrenie. 2004. № 5. S. 3–19.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 1): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 1: Kostromskaya i Tverskaya gubernii. SPb., 2004. 568 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 2.1): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 2, ch. 1: Yaroslavskaya guberniya, Poshekhonskiy uезд. SPb., 2006. 608 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 2.2): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T.2, ch. 2: Yaroslavskaya guberniya, Danilovskiy, Lyubimskiy, Borisoglebskiy uезд-dy. SPb., 2006. 552 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 3): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 3: Kaluzhskaya guberniya SPB., 2005. 648 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 4): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 4: Nizhegorodskaya guberniya SPb., 2006. 412 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 5.1): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 5, ch. 1: Vologodskaya guberniya, Vel'skiy i Vologodskiy uезdy. SPb., 2007. 624 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 5.3): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 5, ch. 3: Vologodskaya guberniya, Nikol'skiy i Sol'vychevodskiy uезdy. SPb., 2007. 684 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 6): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 6: Kurskaya, Moskovskaya, Olonetskaya, Pskovskaya, Sankt-Peterburgskaya i Tul'-skaya gubernii. SPb., 2008. 600 s.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy (RKZhBN, 7.4): materialy «Etnograficheskoe byuro» kn. V.N. Tenisheva. T. 7, ch. 4: Novgorodskaya guberniya, Tikhvinskiy uезд. SPb., 2011. 512 s.
- Semenov S. T. Iz istorii odnoy derevni // Russkaya mysl'. 1902. Kn. I. S. 20–37.
- Semenova-Tyan'-Shanskaya O.P. Zhizn' «Ivana»: Ocherki iz byta krest'yan odnoy iz chernozemnykh guberniy. M., 2010. 192 s.
- Titov A.A. Yuridicheskie obychai sela Nikola-Perevoz Sulotskoy volosti, Rostovskogo uезда. Yaroslavl', 1888. 113 s.
- Tikhomirov N.A. Osobaya forma nishchenstva // Zhivaya starina. 1895. Vyp. 1. S. 122.
- Tereshchenko A.V. Byt russkogo naroda. SPb., 1848. Ch. I. 507 s.
- Trudy komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov. T. 1: Tambovskaya guberniya i Ranenburgskiy uезд Ryazanskoy guberniya. SPb., 1873. XV + 851 s.
- Uspenskiy D.I. Rodiny i krestiny, ukhod za rodil'nitsej i novorozhdennym // Etnograficheskoe obozrenie. 1895. № 4 (kn. 27). S. 71–95.
- Engel'gardt A.N. Pis'ma iz derevni. M., 2010. 560 s.